

татах новых кафедр и пр. уже свидетельствуют о значительном росте академической науки во второй половине XIX в. Залогом подвижнической деятельности десятков ученых было формирование научной методологии, этой, по образному выражению А. И. Герцена, «эмбриологии истины», привлекавшей молодые умы еще на студенческой скамье.

Развитие методологии предстает в книге как последовательная смена господствующих научных школ — мифологической, культурно-исторической, сравнительно-исторической, психологической. Авторы показывают, что неизбежна при методологической перестройке острота полемики не заслоняла от большинства ее участников факта преемственности и взаимодополняемости концепций в их эвристических моментах. Так, Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов изучали «заимствования» в литературе еще до бенфеевской теории; Александр Н. Веселовский называл свой метод «тем же историческим методом, только учащенным, повторенным в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения»²; Д. Н. Овсянко-Куликовский в последний период деятельности выясняет «общественно-психологические основания» творчества, опираясь на традиции культурно-исторической школы. Сложность генезиса и содержания литературных и в особенности фольклорных произведений, осознаваемая уже мифологами, с их очень перспективной идеей «слоевого» изучения народного эпоса (которое они и начали *ab ovo*), естественно, приводила к постепенному усложнению и обогащению методологии. Каждая из гипотез, составивших эпоху в европейской науке и положенных в основу программы русских школ, по замечанию И. К. Горского, корректировала крайности других: в работах Александра Н. Веселовского «учет верных положений мифологической гипотезы и теории заимствования предотвращал опасность ... упрощенного понимания процесса самозарождения» (с. 220). Строгое следование какой-то одной теории, как показано в книге, часто приводило к односторонним выводам: например, к всецело «метеорологической» интерпретации былинных образов в трудах А. Н. Афанасьева, О. Ф. Миллера, к превеличению западного влияния на русскую литературу в компаративистских опытах Алексея Н. Веселовского, к узкой трактовке художественных типов как психологических антиподов или двойников писателя в ряде работ Д. Н. Овсянко-Куликовского.

Неэлектичному преодолению методологических крайностей способствовало выдвижение на первый план при объяснении литературного процесса «фактора» общественных условий жизни. Как подчеркнута в книге, национальное своеобразие русской академической науки про-

явилось не только в изучении русского, славянского материала (в свете теорий Я. и В. Гриммов, И. Тэна, Т. Бенфея, Э. Тайлора и др.). Существенные методологические расхождения с западными теоретиками (например, сомнения А. Н. Пыпина в универсальности тэновской схемы, признание Александром Н. Веселовским скачков в истории, его ироническое отношение к «дарвинизму» Ф. Брунетьера) в совокупности своей не дают основания рассматривать многих русских ученых в качестве ортодоксальных позитивистов. П. А. Николаев отмечает, что «истоки русской культурно-исторической школы не сводятся только к позитивизму И. Тэна, их во многом питали и теоретико-литературные идеи В. Г. Белинского» (с. 5). Значение материалистической эстетики революционных демократов 1860-х годов заключалось и в ее сильном влиянии на представителей культурно-исторической школы, а также на Александра Н. Веселовского; оно во многом определило понимание последними центральной идеологической проблемы времени — народности культуры. Как известно, лозунг народности получил в тот период самые различные трактовки, в том числе уваровскую. В этих условиях «народоведческая» ориентация мифологов (мифологическая экзегеза была для них не самоцелью, а средством постижения жизни и психологии народа) в значительной мере обесценивалась идеализацией старины. «Романтизму народности», как называл Александр Н. Веселовский буслаевское сведение народного к мифологическому, в трудах А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, самого Веселовского была противопоставлена провозглашенная историзмом концепция народности, в ряде положений созвучная добролюбовской (это конкретно показано А. Л. Гришуниным и И. К. Горским).

Если соотношение в культурно-исторических исследованиях действительности с литературой как ее отражением, составившее главную цель, представляет для современного марксистского литературоведения в основном исторический интерес, то постановка последующими школами некоторых проблем, связанных со спецификой словесного искусства, актуальна и в настоящее время. Кризис культурно-исторической школы, сыгравшей огромную роль в развитии науки, объясняется, по словам А. Л. Гришунина, свойственным ей «отвлеченно-идеографическим рассмотрением произведений», несостоятельностью ее претензий «на изучение литературы именно как литературы» (с. 200).

Однако попытки вычленить «художественное» путем разрыва с принципами культурно-исторической школы не были эффективными, так как открывали простор для формалистических построений. С. Е. Шаталов убедительно характеризует методологию Алексея Н. Веселовского, рассматривающего творчество писателя в русле одних культурных традиций, как «первый шаг на подступах к зарождающе-

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 47.